

В. К. Мамонтов²

РАДОСТЬ ВНЕШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ, И ПОЧЕМУ В РОССИИ ТАК НИКОГДА НЕ БУДЕТ

Недавно мне довелось поприисутствовать на заседании Аналитической ассоциации ОДКБ, где обсуждалась тема гибридной войны. Помимо того тезиса, что война уже идет полным ходом, а научного определения ей так и не дано (словно профессора ушли в ополчение озябшими руками окопы рыть), на заседании был высказан и ряд других интересных мыслей.

Поскольку нормальная война — дело дорогостоящее (управляемый снаряд стоит на порядок дороже саманного сарая, который высокоточно сметает с лица земли), то расцветают терроризм и партизанщина.

«Террористы — гастарбайтеры войны, — прозвучала такая формулировка. — Подрядчик нанимает их баснословно дешево по сравнению с контрактниками, увешанными электроникой и обремененными страховками. А рушат они быстро и качественно. Целые цивилизации деградируют и уходят обратно в пески буквально за считанные годы».

В случае с Украиной — обратно в черноземы, но тут и не пошлые террористы в пропотевших халатах действуют — евроинтеграторы. Разница есть.

Но есть и схожие черты. Мысль эта очень понравилась еще и потому, что уже давно не дает мне покоя. Помните, как Нуланд похвалялась, что за какие-то 5 млрд они взяли и перевернули Украину вверх тормашками, а теперь планомерно превращают в своего сателлита? А мы сотнями миллиардов который век вкладывались, а что в итоге? «Москаляку на гиляку?»

Почему так? На том же заседании услышал я ответ от политолога Сергея Михеева. Суть в том, какие такие ценности и блага (или антиценности, но приятные, увлекательные) предлагает наемнику вербовщик.

По его мнению (опять-таки созвучному моему собственному), так дешево купить поддержку западникам удастся ровно потому же, почему гастарбайтер оставляет патриотизм дома и соглашается на низкую оплату: ну, во-первых, ему и такая прежде не снилась.

Но это не все, и, может, не самое главное — к зарплате (возьмем, к примеру, Москву) прилагается Красная площадь, где можно весело встретить Новый год под бой курантов, умытое не без его помощи Садовое кольцо, полное удивительных соблазнов и дивных возможностей.

Его дети уже катаются на самокатах по торгово-развлекательным центрам — вах, ну почти как юные московские хипстеры, а иногда они даже плюхаются на европодушки в Парке Горького — и тоже тычут смуглыми пальчиками в планшет (ну, не в “Мас” — в китайский, но это пока).

В советское время была такая формулировка — «красивая жизнь поманила». Обычно она подходила к заметкам о том, как девушка (или юноша), увлекшись модными тряпками, новыми пластинками «Битлов», бросала учебу, начинала фарцевать, а там недалеко и до «агента влияния».

Тоже не бог весть какие расходы нес лукавый атташе, а поди ж ты, Союз рухнул (во всяком случае, атташе в своем финансовом отчете писал, что эпохальное событие произошло точно из-за его неустанной деятельности).

Поскольку у нас под боком вечно крутились гастарбайтеры из бывших советских республик, то россиянам как-то и в голову не приходило, что кто-то рассматривает в таком же свете их самих.

Меня как-то спросила молодая любознательная девушка: а почему в СССР так плохо знали английский? И сама же ответила: наверное, потому, что поездка в Англию была немыслима? А где еще применить язык? Журналы, и те выдавались под расписку из спецхрана.

² Генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?».

Я уже был готов согласиться, но назвал другую причину, куда, на мой взгляд, более важную: я сам был «англичанином». Мой русский все вокруг учили, чтобы овладеть богатством знаний, накопленных... ну, и далее, старики помнят.

Моя цивилизация не заглядывала франкам и бриттам в рот, а германца бивала. Она широка была, страна моя родная, и Расул Гамзатов был мне как отец, Тынис Мяги — как брат, а я — ровней Глинке и Чайковскому с Бабаджаняном. «Битлз» классные, но знали свое место, и что “Come Together” означает, я узнавал, не читая Тимоти Лири в подлиннике, чего уж греха таить.

Так вот: Сергей Михеев довольно горько так сказал, что нам, россиянам, в особенности молодым (ну и не только нам), на этом рынке предлагаются страшно притягательные вещи, против которых устоять потруднее, чем против шмоток (просто потому, что шмоток полно).

Личная безграничная свобода, неосуждаемое обществом удовлетворение самых смелых фантазий, гарантированное место в демократическом строю, айпад, айфон и шестой сезон «Игры престолов». Вы бы устояли против такого? Только честно? Ах, устояли бы? Тогда прочь с дороги: вы, небось, еще и православнудый? Может, Достоевского читали и знаете, что если Бога нет, то все дозволено? Может, вам кажется, что без труда не выгонишь и рыбку из пруда? Может, вам кажется, что вы, поскольку гражданин великой и богатой страны, автоматом попадаете в уважаемые евролюди, не признавая однополой любви за ценность?

Может, вы думаете, что радио изобрел Попов? Вы еще скажите, что огромная ваша страна, доверху забитая лесом, рыбой, водой, газом, нефтью и золотом, принадлежит вам, а не всему (ну не всему, а цивилизованному) алчущему миру! Может, вы полагаете, что можно доверять ее управление только собственным царям и вельможам, а уж они договорятся, доторгуются с иноземными, себя не забыв — и вас немножко?

Какая отсталость! Долой царя и вельмож! Все к нам — в наш прекрасный демомир — ну а мы там у вас сами пошерудим, без этих ваших ротенбергов.

Какая же работенка за такую прекрасную плату предлагается нам, гастарбайтерам дядюшки Сэма, как написал бы я, если бы был советским журналистом, и как пишу, по факту им и являясь? На первый взгляд не пыльная, я вам скажу. Вот, к примеру, Болгария: помидор там скоро можно будет купить болгарский только у бабули из-за ограда.

Или Латвия — ни малейшей промышленности, ни ВЭФа, ни РАФа. Но! Зато Евросоюз дал денег на гигантский концертный зал и музей художника Ротко, который рисовал матрасы, стоимостью в десятки миллионов долларов. А в Бургасе засиял новыми велодорожками старый парк.

Не забыли на стенде написать — от щедрот Евросоюза. Старикам приятно, туристам: молодежь, правда, уехала выращивать помидоры и собирать автомобили туда, где их положено выращивать и собирать, согласно евроуложениям (а если честно, то дворы мести и сельтерскую разносить), но это не беда: они там точно как наши гастеры — празднуют Новый год на красивых

площадях и мечтают, чтобы дети катались на самокатах по торгово-развлекательным комплексам.

В сущности, нам тоже предлагается нечто подобное: веру оставьте, амбиции имперские скатайте в трубочку, недрами поделитесь — ну и на велодорожки. Тут, гляньте, и гей-парад, и мама не ругает.

Что сказать? Ставка в целом сделана верная. Не мной отчеканено: добродетель требует себе награды, порок же приятен сам по себе. Одна у меня надежда: все-таки мы не болгары. Помидоры их любили, факт. А так нет. Хрен нас заломает — но это я за себя, за молодых уже не вполне берусь судить. Очень уж они теперь ушлые, и обмануть их нетрудно, поскольку сами обманываться рады.

Но не только, к счастью. Обратимся к другой, но прочно связанной теме. То, что происходит сейчас на строительстве Керченского моста, который свяжет автомобильно, железнодорожно и кровеносно Крым с материком, холодному описанию не поддается. Тут работают совершенно новые технологии не только в забивке свай, но и в самом подходе к стройке. Во внутренней ее логике мне видится вот что: ходите, ходите мрачной урлой, братья-небратья, чадите факелами, ставьте памятники убийцам, выпрашивайте у хозяина виз да грошей. Перебирайте свою колоду Тимошенко-Порошенко.

А мы мост строим.

Мы строим его так, как научились за последние годы. Во Владивостоке натренировались, аж три штуки возвели. Мы, конечно, много чего за эти годы, пока живем с вами врозь, сделали неправильно. Начудили. Но и научились кое-чему. Вы, кстати, раньше тоже кое-что умели. Мы с вами. Через Днепр за 13 лет, с 1940-го по 1953-й (война помешала, конечно), был перекинут чудо-мост. Советский. Имени Патона. Первый в мире цельносварной. Без единого железного гвоздя-заклепки. И ведь стоит. Служит. По нему можно ходить толпой и скандировать «Хероям слава». Он железный. Он выдержит.

Но мы свой мост начинаем не со сварки. Не с песнопений. И даже не со свай. А с разминирования сотен снарядов Великой Отечественной, которые достаем из воды и из-под земли, а потом аккуратно штабелируем на бережку — и подрываем так, что можно подумывать, это вы Донецк бомбите. Нет, это мирный взрыв.

Это мы мост строим.

Еще мы строим его так: вслед за водолазами и минерами идут археологи. И достают фантастические греческие глиняные чаши, ржавые гвозди, кованные генуэзскими кузнецами. Наконечники славянских стрел, татарские украшения, монеты всех стран, что торговали здесь — виноградом, медом, рабынями в мокрых от слез одеждах... Простите, нас, братья-небратья: ничего из этого, ни черепка, ни гвоздочка не принадлежит древнему укру. Может, и хотелось бы вам потрафить, однако правда сурова: греки, скифы, италийцы, тюрки, славяне просматриваются сквозь толщу огненных лет; даже английские косточки тут лежат, не говоря уж о турецких. А ваши новоявленные предки, что были трехметрового роста и вола могли спрятать в кармане шаровар, — нет.

Следом за археологами идут биологи. Понимаете, какое дело... Это у вас теперь кровь людская — водица. Те, кто не желает свято верить в укров, «хероев» и амеров, для вас не человек — вредитель-«колорад». А мы буквально каждую тварь божью бессловесную — жука, бурундука с зайцем, всякую птичку (будь она даже не гордый гоголь, а невзрачная авдотка), которые попали в зону строительства, — отселили на безопасное расстояние. Гнезда перенесли и норы вырыли. 117 видов. Заметьте, как тщательно мы их пересчитали: никаких «более 110». Или «около 120». Сто семнадцать — и точка. Тут точность нужна. Ум, доброта и квалификация. Это вам не советских истуканов валить.

Мы же мост строим.

Прежде чем привезти сюда основной контингент тружеников, мы отгрохали комфортабельный поселок — такого даже на БАМе не было. Помните, вы там силами УССР станцию Ургал построили? Неужто не помните? А мы тут согласовали тысячестраничный проект моста — на 30 гигабайт компьютерной памяти. И сняли об этом кино. На три минуты. Говорят, что наше нынешнее поколение дольше внимание не концентрирует. А уж ваше после печенок тем более. Но при случае поглядите. Осилите, думаю. Поймете посыл.

Что еще сказать, раз уж речь про клипы и фильмы? Вы как-то со слезой стишки декламировали, насчет «никогда мы не будем братьями». Слали нам, чтоб нас проняло. Строители моста записали другой стих: не для вас. Для себя. Они поздравляют всех женщин мира (ну и каждый свою) с 8 Марта и читают по одной строчке нашего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. «Я помню чудное мгновенье», — начинает геодезист. «Передо мной явилась ты», — продолжает экскаваторщик. «Как мимолетное виденье», — выдает шофер. А когда дело доходит до «Душе настало пробужденье», которую круплолицый крупногабаритный монтажник (каска едва на макушке умещается) произносит, словно меха на баяне рвет, тут уж совершенно ясно становится: построим мы этот мост. За два года. Если война не помешает. Но мы такого не допустим.

Главное, чему нас научила «Русская весна», воссоединение с Крымом, — себя лучше понимать. Что нам надо. Что нами движет. Без чего жизнь не мила. Мы ж тоже лет двадцать назад сильно верили в за границу, и ксендзы нас охмурили, и полагали мы, совсем как вы сейчас, что кто-то поможет нам, кроме нас самих. Ну и еще ближайшей родни.

Переболели. Нас не трогают ваши «вата», «совки»... Мы наследуем нашу с вами вековую историю, а вы бежите от нее как черт от ладана. Зря. Обруганный, любимый, ненавидимый, прекрасный, нескладный, такой нерушимый и такой уязвимый СССР продолжает питать нас не только фильмами и книгами. Не только электростанции (мы ж с вами на Днепрогэсе глину ногами месили, а вы теперь опоры пилите) и заводы его честно служат. Аэродром в Багерове под Керчью строили под возможную посадку космического «Бурана», принимал он тяжелые бомбардировщики, состарился. И на отсыпку основания нового моста пойдут его бетонные полосы.

Старые они, отработавшие свой срок, покрытые трещинами, словно морщинами, однако все равно — взлетные.

Тут хватаю себя за фалды: а может, это мой дежурный оптимизм? С чего бы мне за всех говорить? Но подоспело подкрепление. Романтик в душе Глеб Павловский написал однажды: «Август собирают из остатков, из остатков летнего сырья». Мне это так понравилось, что я даже продолжение написал, конкретизировав: «Из опавших яблок, из сухих початков, из пера стрижа и воробья».

Чувствуете, про что это я? Про то, что счастье генерируется в людях самыми разными способами. Чаще всего это события не особенно глобальные. Полет Гагарина, возвращение Крыма — это, к сожалению, нечасто. Конец войне — это нечасто, к счастью. А вот поднять утреннее яблоко из мокрой травы, глядеть, как ловко катятся внуки по снежному склону, найти старую записку ровным девчачьим почерком на бумаге в клеточку «Задача легкая, сам мог бы решить» может каждый, кто умеет добывать себе радость и счастье из того, что под рукой.

Этим искусством народ наш овладел в полной мере. Что подтверждается социологами. На днях ВЦИОМ доложил, что индекс счастья россиян вот уже на протяжении шести месяцев держится на уровне 25-летнего максимума. Максимальное счастье — 100 пунктов. Мы сейчас набираем около семидесяти.

Заметьте: мы вовсе не были так счастливы, когда избавлялись от тоталитарного наследия СССР. И даже когда цена на нефть достигала исторического максимума. Больше того: есть фундаментальные исследования Института социологии РАН, которые дают другую, не менее удивительную цифру: около 7 % россиян несчастливы всегда. Эта цифра не меняется ни в кризис, ни в тучные годы. Победили мы в четвертьфинале чемпионата Европы голландцев или вылетели с треском из отборочного турнира. Выдалось лето жарким или шли обложные дожди. Устраивается ли человек на хорошую работу или теряет ее. Из Костромы сыр или из Пармы. И есть объяснения, почему.

Они очень разные, от маленькой зарплаты до природного утрусства. Но суть их в следующем: человек считает, что его жизнь не удалась.

Чтобы понять, почему наш человек, несмотря на вороватых чиновников, кризис, санкции, козни Госдепа и тому подобное, практически двумя своими третями считает, что жизнь удалась, социологи ВЦИОМа поставили перед счастливыми ряд дополнительных вопросов. Например: сколько вам лет? Выяснилось, что лица от 18 до 24 счастливы почти поголовно. Они не слишком хорошо знают жизнь. Они не обременены разочарованиями. Полны надежд и адреналина.

Именно это помогает значительному числу из них со временем перебраться в другие категории счастливых граждан, которые фиксирует ВЦИОМ. Первая: те, кто считает себя материально обеспеченными. С этим все понятно. Поди плохо: квартира, машина. Радости жизни 16-летней выдержки; это я о виски. Горные лыжи в Австрии? Господь с вами, только в Норвегии, чтоб и фьордами любоваться.

Почти столько же счастливых не могут позволить себе фьорды и «форды», однако им это не мешает. Это люди с высоким уровнем образования и духовной организации. Они могут получить гигантское удовольствие от посещения выставки Серова, они плачут, когда слышат, как Горовиц играет Сонату фа минор Шопена, они водят внуков в музей Льва Толстого и тихо, с почти неощутимым оттенком зависти презирают (а что остается?) предыдущую категорию респондентов.

Но и те, и другие, и третьи, переживая кризис (у кого-то жемчуг мелкий, у кого-то суп жидкий), опору и утешение находят в семье, где обитают любовь и мир. В здоровье детей и внуков.

В старшем поколении срабатывает и еще один немаловажный фактор: они жили гораздо хуже, они знают, как это может быть на самом деле, они понимают, что с точки зрения простой обывательской жизни никакой это не кризис — это уровень, о котором 20 лет назад могли только мечтать.

Прочитав отчет ВЦИОМа, одна моя коллега сделала интересный вывод: мы счастливы потому, что не сбываются мрачные прогнозы. Санкции есть — голода нет. Рубль упал — никто не помер. Обострение на первом украинском налицо, казалось, война стучит в двери — вроде отпустило. И так во всем.

Похоже на правду. Только этот ресурс явно компенсаторный, явно психологический, и он конечен. Он драгоценен, им нельзя цинично злоупотребить, как злоупотребляли руководители СССР тем фактом, что многие советские бабули были на все согласны — лишь бы войны не было. Теперешние бабули ничуть не хуже, у нас замечательные бабули: несмотря на размеры своих пенсий, они против сокращения космической программы, сообщают нам социологи. Грех таких надувать.

На прямой линии с Владимиром Путиным один выступавший Христом-Богом молил президента не добиваться отмены санкций: только-только на ноги вставать стали, производим свое. Не знаю, какой процент готов у нас ковать счастье своими руками, но в перековку идет даже то, что представлялось другим жуткой бедой и концом света.

Может быть, и в этом тоже таится ответ на вопрос: «А чего это ты, россиянин, такой счастливый? Такой свободолобивый?». А по-другому не хочу. Не могу. Плохо получается. Мы который век обходимся без внешнего управления, а дадим слабину — выправляемся все равно.

Мы который век поглощаем беду и тьму — а производим свет и счастье.